

От смуты к тирании

Category: Edebi makalalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

От смуты к тирании ОТ СМУТЫ К ТИРАНИИ

О прозе Евгения Чижова

Послужной список Евгения Чижова довольно скромнен: три романа за тринадцать лет. Современный читатель привык к большей писательской активности. Впрочем, в случае с Чижовым прописная истина «дело не в количестве, а в качестве» работает на все сто. Даже несмотря на то, что первые книги московского автора не вызвали широкого резонанса, в «узких кругах» ценителей его прозы всегда хватало. К примеру, Лев Данилкин признавался в любви каждому роману Чижова, но, пожалуй, лишь «Перевод с подстрочника» по-настоящему дошел до широкой публики. Тому причина и общее состояние нашей литературы, которая, в сравнении с началом «нулевых», все-таки находится на подъеме, и возросший читательский интерес, и премиальный процесс, призванный донести книгу до конечного потребителя.

Дебютировал Евгений Чижов в журнале «Октябрь» в 2000-м году с повестью «Темное прошлое человека будущего». Любопытно, что при выходе бумажной книги повесть стала именоваться романом. Впрочем, дело тут не только в хитростях книгоиздания: и по объему, и по содержанию эта книга Чижова вполне «тянет» на полноценный роман. Хронология повествования ограничена 1993-94 годами, основное место действия – Москва. Атмосфера декаданса, распада, хаоса усиливается подчеркнутой театральностью текста. В театре, где трудится главный герой Андрей Некрич, «дают» то «Хованщину», то «Бориса Годунова», что еще больше усиливает ощущение смуты. Да и материальный мир романа очень похож на театральные декорации: еще немного, и действие поменяется, оставив в очередной раз за кулисами жизни лишь забытый реквизит, представляющий ценность только для коллекционера. Страна, город, люди, настроение – все меняется с бешеной скоростью. Заглядывать в будущее нет смысла, остается лишь

говорить о прошлом, идеализируя и проклиная былое.

Меняются не только декорации, но и сознание персонажей. Некрич предстает то обманутым мужем, параноиком, зациклившимся на измене, то авантюристом, продающим собственную квартиру одновременно двум покупателям – коллекционеру и бандиту. Самим собой он остается только на работе, в театре, но театр предполагает смену ролей. Некрич несколько раз гибнет, но вновь воскресает в ипостаси мошенника, защитника Белого дома, эмигранта, играющего на фортепиано в мюнхенском кафе. Смутное время предполагает подобные перевоплощения.

«Темное прошлое человека будущего» – один из лучших романов о переломной эпохе. Говоря словами одного из персонажей романа коллекционера Лепнинского, «это суд над прошлым». «Мы определяем момент, когда минувшее становится безвозвратным, выходя из времени в вечность, и сохранившиеся вещи обретают коллекционную ценность», - говорит Лепнинский, - «Время – самый большой художник, оно наделяет особой ценностью все, что не уничтожает». Евгений Чижов, как хороший художник, тонко чувствует ценность безвозвратно уходящей эпохи и запечатлевает ее в прозе, сохраняя в тексте то, что материальный мир давно отправил на свалку истории.

В новом романе Чижова «Перевод с подстрочника» от атмосферы хаоса и смуты не остается и следа, что, в общем, логично: иные времена, иные декорации. Хотя хронологических маркеров в романе не так много, читателю ясно, что автор описывает современную действительность, пусть и замаскированную под восточную сказку. Сам писатель назвал «Перевод с подстрочника» романом фантастическим. Однако любители звездолетов и машин времени, обратившись к этому произведению, попадут не по адресу: главным фантастическим допущением книги становится поэт у власти. Нет, не дешевый графоман, коих во властных структурах всегда было хоть отбавляй, а настоящий поэт-пророк, воплощенная идея Артюра Рембо. Чтобы проверить на прочность убеждения великого француза, Чижов предпринимает паломничество на восток. Он создает государство Коштырбастан, этакую бывшую советскую среднеазиатскую республику, во главе которой стоит гений, поэт, стихи которого способны изменить мир. Почему для

подобного исследования выбраны именно восточные декорации? Поэт у власти – традиция в первую очередь восточная, корни которой ведут к пророку Мухаммеду. Идеалом восточного правителя всегда был вдохновленный Аллахом мудрец, поэт, транслирующий волю всевышнего, способный гармонию поэзии воплотить в миропорядок. Поэтому не стоит искать в президенте Коштырбастана Гулимове черты, к примеру, **Туркменбаши**. Чижов преследует иные цели. В самом деле, а что будет, если у руля страны окажется истинный гений? Какова она, власть поэзии? И возможна ли она, в принципе?

Главный герой романа московский поэт Олег Печигин приглашен в Коштырбастан в качестве переводчика стихов Верховного Вожатого – президента Гулимова. Коштырского языка Печигин не знает, но подстрочники, предоставленные ему для перевода на русский, кажутся действительно гениальным материалом. Перевод стихов Гулимова дается Печигину не просто, поэтому он принимает приглашение своего университетского товарища Тимура Касымова, известного коштырского телевизионщика, и отправляется в бедную, истерзанную гражданской войной республику. Коштырбастан принимает Печигина со всеми почестями: на малоизвестного московского поэта обрушиваются слава и деньги. Его собственный сборник стихов издается миллионным тиражом, а за еще не законченный перевод он получает государственную премию. Весь этот антураж обеспечивает всемогущий Касымов, считающий себя, ни много ни мало, толкователем самого Гулимова:

«Все зависит от того, кто услышит пророка, кто воспримет и истолкует его слово! Потому что люди понимают лишь толкование, сами по себе они не способны ни увидеть в пророке пророка, ни понять его. Им нужно все объяснять, все разжевывать».

Стоит отметить, что Касымов вовсе не сомневается в гениальности Гулимова-поэта и Гулимова-политика. В Коштырбастане в этом вообще мало кто сомневается. Есть, конечно, оппозиционно настроенные граждане, но Печигин поначалу не воспринимает их всерьез: слишком велико влияние гениальных подстрочников. Поэтому слова о том, что «Коштырбастан сегодня – это поэзия у власти» и что «через

Народного Вожатого страной правит воля неба», не кажутся такими уж высокопарными, и у читателя возникает мысль: а что, если правда? Ведь может же теоритически гений оказаться у власти? Почему нет? Оппозиция найдется на каждого, всегда будут люди, рвущиеся к власти, способные оклеветать самого справедливого. Сомнения от этого, конечно, окончательно не развеются, вот и главный герой, несмотря на бесспорную поэтическую мощь Гулимова, продолжает поиски правды. Он отправляется в глубинку, видит нищету, разруху. Слышит о военном беспределе и жестокости. Но войны не бывает без жертв, война лишь средство, с помощью которого можно достичь гармонии. Где правда? Поди разберись.

А пока все складывается как нельзя лучше: Печигин вживается в образ, осознает, что «смотрит вокруг глазами Рахматкула Гулимова». Он обретает вторую Родину, вдохновение и любовь. Кажется, что эксперимент удался: идеальное общество под руководством гениального поэта строится в среднеазиатской стране. Печигин вспоминает идеи Рембо о том, что поэзия может и должна менять мир. Гулимов и для Печигина, и для Касымова, да и для всего Коштырбастана становится в первую очередь поэтом-ясновидцем, который указывает путь человечеству, а уж потом – главой государства, политиком и военачальником. Народ готов простить пророку временные трудности и тяготы жизни. Коштыры уверены, что «каждый человек – поэт», и эта уверенность наполняет их терпением, «раздвигает рамки времени».

Впрочем, пора вернуться с небес на землю. Красивая история о поэте-правителе заканчивается в то время, когда читатель уже вполне верит в возможность «власти поэзии». Финал этот, естественно оказывается ложным. Чижов предлагает взглянуть на коштырскую историю под другим углом. Что если автор гениальных стихов вовсе не Народный Вожатый? Писатель пускает сюжет по запасному пути.

Печигин знакомится со старым больным поэтом (возможно, сумасшедшим), который признается в том, что все эти годы «работал на Гулимова», публиковавшего его стихи под своим именем. Пророк оказывается самозванцем, вдохновенный правитель

– всего лишь диктатором, использующим все средства для достижения полноты власти. А старый поэт даже рад, что его стихи могут влиять на человечество, пусть и ценой тотального контроля и подавления личности: «Я нашел способ контрабандой переправить под чужим именем мои стихи в вечность! И поскольку он знает, что вечность за ними, то есть за мной, а его власть, какой бы она не была полной, ограничена сроком его жизни, он не спускает с меня глаз. Точнее, ушей».

Печигина втягивают в игры оппозиции. При встрече он передает Народному Вожатому вместе со своими переводами и требования «несогласных». К чему могут привести подобные действия в авторитарном государстве? Тугульды – улыды (жил – умер). Это восточное выражение Чижов делает одним из эпитафий к своему роману. Еще одним эпитафией становятся слова Мандельштама: «Поэзия – это власть». Высказывание великого поэта в данном контексте обретает двойственный смысл. Переводчик окончательно перевоплощается в поэта уже сидя в тюрьме, но это его не спасает. Вдохновение освещает путь в мир иной. Власть поэзии – очередная, пусть и красивая, утопия. Власть убивает Поэта. Лжепророк уничтожает «несогласных». Красивые идеи Рембо остаются лишь идеями. В смоделированном Чижовым мире поэзия способна влиять на людей только из уст диктатора, поэту же остается довольствоваться тем, что творения его останутся в вечности.

«Перевод с подстрочника», в отличие от «Темного прошлого человека будущего», не рисует точной картинки эпохи. Роман этот, безусловно, иносказателен, многие увидят в нем отражение современной российской действительности. При желании можно найти прямые аналогии, от чего я, впрочем, читателя бы предостерег. Впрочем, как и любой хороший роман, «Перевод с подстрочника» дает повод для множества интерпретаций. И разговора о диктатуре в этом контексте избежать вряд ли удастся. Одно для меня вне сомнений – при написании этой книги «власть поэзии» интересовала Чижова гораздо больше, нежели «поэзия власти».